

Болингброк

Письма об изучении и пользе истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болингброк**
Письма об изучении и пользе истории / Болингброк – М.: Книга по Требованию, 2012. – 360 с.

ISBN 978-5-458-41487-6

ISBN 978-5-458-41487-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛОРД БОЛИНГБРОК

ПИСЬМО I

Шантлу в Турени,
6 ноября 1735 г.¹

Милорд! ² Я уже обдумывал в свое время весьма серьезно тот предмет, относительно которого Вы пожелали узнать мое мнение, и, насколько дела и досуг мне позволяли, следовал на практике правилам, которые, как мне казалось, необходимо соблюдать при изучении истории. Они очень отличались от тех, что рекомендуются знатоками этого предмета и применяются обычно. Но признаюсь Вашей светлости: это обстоятельство ни тогда, ни позже не вызвало у меня сомнения в них. При этом я не стремлюсь к оригинальности; напротив, я полагаю, что общепринятые взгляды заслуживают должного уважения и что следует подчиняться установленным в обществе обычаям, даже если те и другие (как это часто бывает) бессмысленны или смешны. Но речь идет лишь о внешнем подчинении, никоим образом не умаляющем свободу собственного суждения. Более того, наша обязанность подчиняться, хотя бы внешне, распространяется только на те взгляды и обычаи, которым нельзя противостоять или от которых нельзя отклониться, не причинив вреда или не нанеся оскорбления обществу. В подобных случаях наши умозаключения должны быть свободны, во всех же других свободной может быть и наша практическая деятельность.

Поэтому, оставив пока в стороне взгляды и практику ученого мира, я весьма охотно сообщу Вам о своих собственных взглядах. Но так как трудно восстановить нить мысли, давно уже оставленной, и невозможно одно доказать, а другое объяснить, не прибегая к помощи многих книг, которых я здесь лишен, Вашей светлости придется удовлетвориться тем несовершенным наброском, который я в состоянии послать Вам с этим письмом.

Мотивы, по которым люди обращаются к изучению истории, различны. Одни, если только к таким, как они, применимо слово «изучение», заботятся лишь о развлечении и читают жизнеописания Аристида или Фокиона, Эпаминонда или Сципиона, Александра или Цезаря так же, как они разыгрывают карточную партию или как они когда-то читали сказку о семи храбрых рыцарях.

У других мотивы ничуть не лучше, но им свойствен еще один недостаток, делающий их зачастую самым настоящим бичом общества — в прямой зависимости от их успехов в знакомстве с предметом.

Первые не используют чтения, чтобы достичь какой-нибудь достойной цели; вторые же злоупотребляют им ради цели весьма недостойной; и дерзость их возрастает вместе с ростом их знаний. Людей первого рода я встречал больше всего в Англии, второго — во Франции. Лица, которых я имею в виду, — это те, кто читает, чтобы поболтать, блеснуть в разговоре и произвести впечатление в обществе; кто, ощущая нехватку собственных мыслей, набивает себе голову голыми фактами и сентенциями и надеется восполнить за счет одной лишь памяти недостаток воображения и способности к суждению.

Эти лица относятся к двум наихудшим разновидностям. Следующие, о ком идет речь, принадлежат к несколько более высокому классу: это те, кто не становится от занятий историей ни мудрее, ни лучше, облегчает изучение ее другим и направляет их к целям более полезным; это те, кто снимает хорошие копии с плохих рукописей, объясняет смысл непонятных слов и берет на себя великое множество других грамматических трудов. Мы чувствовали бы себя весьма обязанными подобным лицам, если бы они, кроме того, умели бы еще делать что-то лучшее и брались бы за эту нудную работу лишь ради общественного блага. Правда, некоторые из них так и поступали, но думаю, что не позднее эпохи возрождения наук. В чрезвычайных обстоятельствах генералы сами могут взяться за кирку и лопату, но когда неотложная необходимость миновала и жизнь вернулась в привычные рамки, эти орудия передаются в руки тех, кому они предназначены, — в руки рядовых солдат и земледельцев. Я поэтому весьма одобряю набожность одного ученого мужа из Крайстчёрча³, который, как говорят, обращаясь к господу богу в своей проповеди, стал вдаваться в подробности (что свойственно людям благочестивым) и среди других благодарственных молитв вознес, в частности, хвалу господу за то, что он обеспечил мир составителями словарей. Последние добиваются славы, как и люди более значительные, теми средствами, какие дал им для этого господь. Литтлтон, составляя словарь, щедро расходовал весь свой талант, Стивенс же — нет⁴; тем не менее они заслуживают поощрения, когда занимаются компиляцией, не проявляя остроты ума и не беря на себя смелость рассуждать.

Существует четвертый класс, куда менее полезный, чем предыдущие, но удостоенный гораздо большей чести, — люди в высшей степени образованные, те, кому все племя ученых отвешивает почтительные поклоны.

Нужно обладать моим равнодушием к похвалам или порицаниям, чтобы открыто заявить о полном презрении к занятиям этих ученых мужей, ко всем исследованиям древности, ко всем системам хронологии и истории, которыми мы обязаны великим трудам таких деятелей, как Скалигер, Бошар, Петавий, Ашер и даже Маршем⁵. В их распоряжении одни и те же материалы, которые, однако, немногочисленны, и почти невероятно, чтобы их когда-нибудь стало больше. Эти ученые использовали их в каких угодно комбинациях. Они высказывали предположения, догадки, соединяли разрозненные отрывки разных авторов и фрагменты преданий неясного происхождения, различных народов и веков, отстоящих так же

далеко друг от друга, как и от нашего времени. Словом, они испробовали абсолютно все возможности — даже совершенно фантастическое звуковое сходство служило им основой для создания целой теории. Исторические же источники, которыми они располагают, не только скудны, но и нередко (даже те, что считаются лучшими и наиболее достоверными) весьма сомнительны, что некоторые из этих ученых сами признают.

Юлий Африкан, Евсевий и Георгий Монах открыли основные источники науки, но загрязнили ее воды⁶. Они поставили своей целью согласовать светскую историю и хронологию со священной историей, хотя хронология последней очень далека от ясности и определенности, чтобы можно было руководствоваться ею. Древние исторические памятники, которые названные писатели передали потомству, были ими обработаны в соответствии с теми принципами, которых они придерживались, и ни один из памятников не дошел до нас в первоизданной чистоте и форме. Так, «Династии Манефона»⁷ Евсевий превратил в груды фрагментов, из которых вставлял в свою работу те, которые соответствовали его замыслу. Вот все, чем мы располагаем. Георгию Монаху мы обязаны Codex Alexandrinus*, и для нас это — единственный источник⁸. Поэтому не может не вызывать изумления, что такой ученый, как сэр Джон Маршем, подвергает его сомнению на одной странице, а на следующей — строит на нем целую систему. Судя по легкости суждения (если мне не изменяет память, так как я давно уже не заглядывал в его труды), он даже не слишком озабочен тем, каков фундамент под его системой, раз уж он продемонстрировал искусство ее создавать и включил глубокую египетскую древность в рамки древнееврейского летосчисления. Короче говоря, милорд, все эти научные системы — не что иное, как заколдованные замки: они кажутся чем-то реальным, а в действительности — лишь видимость, и, подобно этим замкам, они исчезают без следа, как только снято заклятие. Чтобы разрушить чары, нужно вернуться к началу. Это выражение может показаться странным, но в нем есть свой смысл.

Мы должны тщательно и беспристрастно исследовать основания, и когда обнаружим, что они маловероятны или вовсе невероятны, будет нелепо ожидать чего-либо лучшего в воздвигнутом на таком фундаменте сооружении. Эта наука — одна из тех, которым a limine salutandae**.

Осуществить такое исследование необходимо, чтобы мы из-за своей неосведомленности безоговорочно не приняли на веру мнение авторитетов; предпринимать что-либо большее — значит помочь этим самым авторитетам навязать нам ложные знания. Я предпочитаю принять Дария, которого победил Александр, за сына Гистаспа¹⁰ и допустить столько же анахронизмов, что и древнееврейский хронолог, чем принести в жертву полжизни ради собирания всего того ученого хлама, которым заполнена голова антиквара.

* «Александрийский кодекс» (лат.).

** «следует только поклониться с порога⁹» (лат.).

ПИСЬМО II

О подлинной пользе и преимуществах изучения истории

Позвольте мне сказать кое-что об истории вообще, прежде чем я перейду к рассмотрению ее отдельных частей, различных методов ее изучения и разных точек зрения тех, кто этим изучением занимается, как я уже начал делать в предыдущем письме.

Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам. Мы воображаем, что вещи, волнующие нас, будут интересовать и потомков: это чувство свойственно человечеству от Цезаря до церковного писца из «Смеси» Попа¹. Мы любим хранить память (в той мере, в какой позволяют нам наши слабые силы) о ярких событиях нашей собственной жизни, нашего времени и времен, ему предшествовавших. С этой целью народы, еще не знавшие наук и искусств, возводили примитивные каменные курганы и слагали еще более простые песни. Не уходя в слишком далекое прошлое, заметим, что победа Одина воспевалась в рунических песнях², а деяния наших британских предков — в песнях их бардов. Дикари Америки сохраняют этот обычай по сей день, и на всех их празднествах поются длинные исторические баллады, повествующие об их охотах и войнах. Нет необходимости говорить о том, как усиливается эта страсть среди цивилизованных народов — с ростом возможностей для ее удовлетворения. Но позвольте заметить, что тот же закон природы влечет с той же силой — причем значительно большее число людей и с гораздо более ранних времен — к тому, чтобы насыщать собственное любопытство, вместо того чтобы удовлетворять любопытство других. Ребенок внимает с восторгом сказкам своей няни, он учится читать и пожирает с жадностью невероятные легенды и рассказы; в более зрелом возрасте он усердно занимается историей или тем, что он принимает за историю, — официальным вымыслом; и даже в старости желание узнать, что произошло с другими людьми, уступает лишь желанию узнать, что произошло с нами самими. Таким образом, история, подлинная или мнимая, всегда что-то говорит нашим чувствам. Как жаль, милорд, что даже самая лучшая история так редко говорит что-либо нашему разуму! За это мы не должны винить никого, кроме самих себя. Природа сделала свое дело. Она предоставила возможность изучать историю каждому, кто умеет читать и думать; и то, что она сделала наиболее приятным, разум может сделать наибо-

лее полезным с помощью ума. Но если мы призовем на помощь разум, мы не станем следовать (в этом, как и в большинстве других случаев) примерам наших ближних, столь гордых своей рассудительностью. Мы не будем заниматься чтением ради того, чтобы ублажать свою праздность или потакать своему тщеславию; столь же мало удовлетворимся мы, подобно грамматикам и критикам, черной работой, чтобы другие — философы и государственные мужи — могли заниматься историей с большей легкостью и выгодой для себя; столь же мало будем мы стремиться к сомнительной чести стать великими учеными ценой пожизненных блужданий в темных лабиринтах древности.

Все они ошибаются относительно подлинного смысла изучения и подлинной пользы истории. Природа дала нам любознательность, чтобы возбудить деятельность нашего ума. Однако она вовсе не стремилась к тому, чтобы удовлетворение любознательности стало главной, еще менее — единственной целью его употребления.

Истинная и надлежащая цель применения ума состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать личную и общественную добродетель. Любые умственные занятия, не ведущие прямо или косвенно к тому, чтобы сделать нас лучшими людьми и гражданами, — это в лучшем случае лишь лицемерная и хитроумная разновидность безделья, говоря словами Тиллотсона; и знание, получаемое нами таким путем, есть не что иное, как похвальный вид невежества. Этот похвальный вид невежества, по моему мнению, и есть та польза, которую извлекает большинство людей, даже наиболее ученых, из занятий историей. И тем не менее изучение истории кажется мне из всех других занятий наиболее подходящим, чтобы воспитывать в нас личную и общественную добродетель.

Ваша светлость вполне может теперь, после столь многих смелых суждений с моей стороны, быть готовой спросить меня, в чем же тогда заключается истинная польза истории? Каким образом она может служить тому, чтобы мы становились лучше и мудрее? И какого метода следует придерживаться при ее изучении, чтобы достигнуть этих великих целей?

Я отвечу Вам, процитировав то, что прочел где-то у Дионисия Галикарнасского. Я думаю, что история — это философия, которая учит нас с помощью примеров³. Нам достаточно бросить взгляд на окружающий нас мир, чтобы увидеть каждодневное воздействие силы примера; достаточно обратить свой взор вовнутрь, чтобы сразу обнаружить, почему пример обладает такой силой. *Pauci prudentia, — говорит Тацит, — honesta ab deterioribus, utilia ab noxiis discernunt: plures aliorum eventis docentur* *.

Таково несовершенство человеческого мышления, таков наш склад ума, что абстрактные или общие суждения, даже абсолютно правильные, кажутся нам очень часто темными или сомнительными, пока они не будут растолкованы с помощью примеров, что мудрейшие наставления в пользу добродетели лишь в малой степени убеждают рассудок и побуждают волю,

* «Немногие различают разумом честное и низкое, полезное и вредное, большинство учится на чужой судьбе» (лат.).

пока они не подкреплены конкретными фактами, и тогда мы вынуждены усваивать по отношению к себе то, что происходило с другими людьми.

Обучение с помощью предписаний обладает и тем недостатком, что опирается на чужой авторитет и нередко требует длинной цепи умозаключений. *Homines amplius oculis, quam auribus credunt: longum iter est per praecepta, breve et efficax per exempla* *.

Основанием для этого суждения, которое я цитирую из послания Сенеки⁴ в подтверждение собственной точки зрения, служит, я думаю, вот что: когда нам приводят примеры, то они как бы обращены к нашим чувствам и рассудку, что нам льстит. В этом случае знания словно исходят от нас самих: мы сами формулируем общее правило, исходя из своего личного опыта, и уступаем фактам, противясь абстрактным построениям. Но это не единственное преимущество обучения с помощью примера, ибо пример воздействует не только на наш рассудок, но в такой же степени и на чувства. Он успокаивает их или возбуждает, объединяет чувство с рассудком и делает человека более цельным, а это больше того, что могут достичь самое убедительное рассуждение и самое ясное доказательство. Таким образом, формируя привычки путем повторения, пример обеспечивает соблюдение тех предписаний, которые примером же были внушены.

Разве, милорд, не Плиний сказал, что наиболее мягкий (ему надо было бы добавить — и наиболее эффективный) способ управления — с помощью примера? *Mitius jubetur exemplo***.

Самые суровые приказы смягчаются примером, и даже жестокость выглядит оправданной. Как жаль, что так мало государей усвоило этот метод управления! С другой стороны, сила примера не ограничена только тем, что происходит непосредственно перед нашими глазами. Примеры, которые подсказывает нам память, в известной степени производят тот же эффект, и привычка вспоминать их вскоре порождает привычку им подражать. В том же послании, из которого я уже цитировал отрывок, Сенека говорит, что Клеанф никогда бы не стал столь совершенным подобием Зенона, если бы не провел свою жизнь с ним, что Платону, Аристотелю и другим философам этой школы больше дал пример Сократа, чем его беседы⁵. (Но тут, между прочим, Сенека ошибся, ибо Сократ умер, по одним сведениям, за два года, по другим — за четыре до рождения Аристотеля⁶: ошибка могла произойти из-за небрежности тех, кто подбирает ему сведения, как замечает Эразм, вслед за Квинтилианом, давая оценку Сенеке. Впрочем, этот факт едва ли заслуживает упоминания.) Сенека добавляет, что Метродор, Гермарх и Полиэн — люди, пользовавшиеся большой известностью, — сформировались, живя под одной крышей с Эпикуром, а не посещая его школу. Вот случаи, демонстрирующие силу непосредственного примера. Но Ваша светлость знает, что граждане Рима ставили изображения предков в вестибюлях своих домов⁷, так что когда бы они ни входили или выходили из дома, глазам их представляли эти

* «Люди больше верят глазам, чем ушам: долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» (лат.).

** «Пример — это более краткий приказ» (лат.).

почитаемые изваяния⁸ и напоминали о славных делах умерших, дабы воспламенить дух живых, побудить их к подражанию и даже к тому, чтобы превзойти своих великих предков. Успех соответствовал замыслу. Добродетель одного поколения благодаря магическому воздействию примера передавалась другим, и дух героизма сохранялся в течение многих веков существования этого государства. Таковы факты, доказывающие силу отдаленного — во времени — примера, и они позволяют сделать вывод, что необходимы примеры обоих видов.

Школой примера, милорд, является весь мир, а наставники в этой школе — история и опыт. Я отнюдь не склонен утверждать, будто первая предпочтительнее последнего. Я смотрю на это иначе, но все же скажу, что история абсолютно необходима, чтобы подготовить нас к усвоению опыта и сопровождать нас, пока мы приобретаем его, т. е. в течение всей нашей жизни. Конечно, можно назвать отдельных людей, которым природа дала то, что искусство и прилежание не в состоянии дать никому. Но подобные случаи нисколько не опровергают меня, ибо я допускаю, что изучение истории без наличия жизненного опыта недостаточно, но я утверждаю, что и сам опыт неполноценен при отсутствии таланта. Талант предпочтительнее и того и другого. Но я бы хотел видеть всех их троих вместе, ибо как бы ни был велик талант и как бы ни возрастали свет и тепло, излучаемые им на его стремительном пути, несомненно, что он никогда не будет сиять полным блеском и не распространит своего влияния в той мере, на какую способен, если к личному опыту он не присоединит опыт других людей и других веков. Талант, не обогащенный жизненным опытом, — это то, чем когда-то считались кометы: сверкающий метеор, не подвластный общему закону движения и опасный, когда к нему приближаются, бесполезный для любой системы и любую способный разрушить.

Обыкновенные сыны земли, если они обладают опытом, не имея представления об истории, — лишь полузнайки в науке о человечестве. Если же они разбираются в истории, не обладая опытом, они более чем невежественны; они — педанты, иногда назойливые и самонадеянные, но всегда ограниченные.

Человек, обладающий всеми тремя достоинствами, является гордостью своей страны и благом для общества. Таким, я уверен, Ваша милость будет в нынешнем веке, как Ваш прадед* был в прошлом.

Я остановился на этом вопросе несколько дольше и проводил эти различия более подробно, потому что, хотя я и придаю изучению истории гораздо большее значение, чем многие, мне все же не хотелось бы по доброй воле смехотворно преувеличивать результаты этих занятий, как делали некоторые, начиная с Туллия⁹ и кончая Касобоном, Ла Мот ле Вайе и другими современными педантами¹⁰. Когда Туллий сообщает нам во второй книге своих «Тускуланских бесед», что Сципион Африканский Старший всегда держал в руках труды Ксенофонта, он высказывает только то, что вероятно и допустимо. Не говоря об отступлении десяти ты-

* Граф Кларендон (прим. изд.).

сяч¹¹ и о других сочинениях Ксенофонта, образы добродетели, запечатленные в таком замечательном полотне, как «Киропедия», были пригодны для того, чтобы их восприняла душа, исполненная добродетели, и Кир был достоин подражания Сципиона¹². Так Селим¹³ стремился превзойти Цезаря, чьи комментарии были переведены специально для него в нарушение обычаев турок; так Цезарь соревновался с Александром, а Александр — с Ахиллом. Здесь нет ничего смешного, кроме того, как используют это место те, кто его цитирует. Но то, что говорит тот же Туллий в четвертой книге своих академических рассуждений относительно Лукулла, кажется мне весьма примечательным¹⁴: *In Asiam factus imperator venit; cum esset Roma profectus rei militaris rudis*; *можно было бы приписать столь внезапную перемену и столь значительное совершенствование чуть ли не наитию свыше, если бы в том же месте не разъяснялось, что все это достигнуто с помощью самых естественных средств, доступных каждому: *partim in percontando a peritis partim in rebus gestis legendis***.

Лукулл своим поведением, согласно этому рассказу, подтвердил тот упрек в адрес римской знати, который Саллюстий вложил в уста Мария¹⁵. Но подобно тому как я в одном случае обнаруживаю пристрастность Мария и предвзятость его отношения к патрициям, так в другом случае я вижу лукавство Туллия и его необъективность по отношению к самому себе. Лукулл, после того как его избрали консулом, в результате интриг получил в управление Киликию и таким образом оказался в роли командующего римской армией против Митридата¹⁶. Впоследствии Туллий находился на том же посту, и хотя перед ним не было ни Митридата, ни какого-либо другого серьезного противника, хотя все его воинские подвиги сводились к стычкам с шайками горцев и ограблению диких киликийских племен, он усвоил манеры завоевателя и описывал свои действия в таком пышном стиле, что все это выглядело смехотворно.

Правда, в одном из писем Аттику он посмеивается над своими полководческими талантами, но если мы обратимся к его письмам на ту же тему к Целию Руфу¹⁷ и Катону¹⁸ или к письмам, адресованным Аттику, в которых он возмущается Катонем из-за того, что тот не внес предложения оказать ему почести, обычно воздаваемые завоевателям¹⁹, мы сможем убедиться, как вскружило ему голову тщеславие и как бесстыдно он домогался триумфа. Таким ли уж натянутым кажется теперь предположение, что он хотел намекнуть в том отрывке о Лукулле, который я приводил, что разница между ним и прежним правителем Киликии в смысле военных заслуг вызвана лишь различием обстоятельств и что Лукулл не смог бы в то время в Киликии добиться большего, чем сделал он сам. Цицерон читал, и, по крайней мере, ничуть не меньше расспрашивал Лукулла, и потому проявил бы себя столь же великим полководцем, доведись ему

* «Он прибыл в Азию законченным полководцем, хотя, выезжая из Рима, был в военном деле совершенным новичком» (лат.).

** «Частично расспрашивая опытных людей, частично читая о чужих подвигах» (лат.).